

Счастье здесь и сейчас, просто почувствуй его

И ТОЛЬКО
СЛАДКИЕ
МОМЕНТЫ
**ВИРЖИНИ
ГРИМАЛЬДИ**
ДЛЯТСЯ
ВЕЧНО

Счастье в мелочах. Романы Виржини Гримальди

Виржини Гримальди

**И только сладкие
моменты длятся вечно**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Гримальди В.

И только сладкие моменты длятся вечно / В. Гримальди —
«Эксмо», 2020 — (Счастье в мелочах. Романы Виржини
Гримальди)

ISBN 978-5-04-166570-8

«Самый читаемый автор во Франции». — Le Figaro.fr Виржини Гримальди — знаковый французский автор, уже известный в России. В своих добрых житейских историях Гримальди показывает, как принять то, что ты не в силах изменить, рассказывает, как обрести себя и жить счастливо. Гримальди с удивительной чуткостью и нежностью рассказывает о самом важном — о человеческих чувствах, о любви и о семье. Ее романы искренние и настоящие, с надрывом и болью, но и с добрым юмором и обещанием счастливого финала. Романы Виржини Гримальди о счастье, которое происходит прямо здесь и сейчас. Об ароматной чашечке кофе, о солнечных лучах, попадающих на прядь волос, о запахе летнего вечера, о заливиستم смехе и уютном пуховом одеяле. Ее истории очень женские, очень живые и очень честные. Они оставляют след, потому что написаны про нас. Однажды ты откроешь окно, и легкий ветерок коснется твоего лица. Ты вспомнишь, как каталась в детстве на карусели, вспомнишь, как муж танцевал для тебя под воображаемую музыку, вспомнишь, как впервые взяла сына на руки и приготовила паштет для дочери. И все это было давно, но будто еще вчера. А сегодня ты наслаждаешься свиданиями с собой. Дети в других городах, муж — за чертой, пес — рядом. И нет в этом никакого минора. Тебе хорошо, и ты счастлива. «Гримальди лучше всех улавливает чувства, страхи, надежды и переживания человека». — Адель Брей, Elle.fr

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-166570-8

© Гримальди В., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

1. Элиза	7
2. Лили	8
Тома	9
3. Элиза	10
4. Лили	12
Тома	13
5. Элиза	14
6. Лили	16
7. Элиза	17
8. Лили	19
Шарлин	21
9. Элиза	22
10. Лили	23
11. Элиза	24
12. Лили	26
Шарлин, Тома	28
13. Элиза	29
14. Лили	31
15. Элиза	33
16. Лили	35
17. Элиза	37
18. Лили	38
Шарлин, Тома	39
19. Элиза	40
20. Лили	42
Шарлин	43
21. Элиза	44
22. Лили	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виржини Гримальди
И только сладкие моменты длятся вечно
Для Маэль

1. Элиза

Квартира была тесная, зато расположение отличное. До метро – два шага, до комиссариата – три квартала, а до больницы – пять минут. Только вокзал Монпарнас чуть дальше.

Я разобрала все коробки, вымыла-вычистила «удобства», приклеила бумажку с фамилией на почтовый ящик и начала расставлять посуду, вспоминая предыдущий переезд.

Август, суббота, жара. С дверей воняющего мочой лифта нас приветствует нарисованный пенис огромных размеров. Тома хихикал до пятого этажа, Шарлин бурчала, что лучше бы осталась жить с отцом. Ему было восемь, ей двенадцать.

Первым делом, до того как заносить мебель, я украсила их комнаты, чтобы смягчить травму из-за развода родителей. Тома выбрал обои с космическими кораблями, Шарлин захотела фиалковый узор. Продавец предупредил: комнаты после оклейки нужно проветривать двое суток, чтобы не надыхаться ядовитыми испарениями, лучше переночевать в другом месте. Две ночи мы спали в нашей новой гостиной, положив матрасы прямо на пол.левой рукой я обнимала сына, правой придерживала дочь, чтобы она не скатилась на паркет. Тот импровизированный кемпинг остался одним из любимейших моих воспоминаний.

Я составляю тарелки в шкафчик, когда в дверях появляется Тома. Мой большой мальчик почти касается макушкой притолоки.

– Не видела мой зарядник, мам?

– Лежит на холодильнике. Ты есть хочешь?

– Можно... – Он пожимает плечами.

Я жестом фокусника достаю из шкафчика плитку темного шоколада. Тома ухмыляется.

Это наш ежедневный ритуал. Мы возвращаемся домой в один и тот же час, сын – из лица, я – с работы. Я отрезаю два толстых ломтя хлеба, кладу на каждый две коричневые дольки и сую на три минуты в печку, чтобы получилась твердая корочка и тающая во рту начинка. Мы не всегда разговариваем за едой – Тома не отрывается от экрана своего телефона, – но чувствуем себя семьей.

– Тебе «поцелуйчик» от Шарлин, – сообщает он, откусив разом полбутерброда.

– Говорил с ней?

– Написал. Она завтра позвонит.

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не стереть шоколадную кляксу с его носа. У моего сына 45-й размер ноги, он носит бороду, только что сдал на права и может оскорбиться. Я протягиваю ему салфетку – он отвечает улыбкой. Тома счастлив.

– Ты про время не забыла? – спрашивает он.

Я смотрю на часы – пора.

И возвращаюсь к расстановке посуды...

– Опоздаешь на поезд, ма.

– Успею...

– Ну мам, все будет хорошо, не волнуйся.

Закрываю шкафчик, последний раз медленно (нарочно!) обхожу квартиру, беру сумку, вешаю на лицо улыбку, крепко обнимаю Тома и ухожу из первой в его жизни «самостоятельной» квартиры, куда я только что собственноручно помогла ему переехать. Пройдет несколько часов, и я окажусь на расстоянии шестисот километров от него, в своем пустом доме.

2. Лили

Ты родишься сегодня. Я не готова.

Я пришла на обычный плановый осмотр.

Доктор Малуа был до невозможности улыбчив. Я разделась, легла, положила ноги на «стремена» и попыталась замаскировать смущение беседой. Я всегда готовлюсь к посещению врача. Заранее выбираю сюжет, о котором заведу разговор, как только гинеколог подойдет совсем близко. Тема должна быть достаточно интересной, чтобы отвлечь меня, но не слишком увлекательной, иначе от дела отвлечется он. Сегодня можно было поговорить о жаре, грянувшей в середине сентября, невыносимая погода, можно подумать, июль вернулся, а я набрала двадцать кило и теперь живу... в огромной подмышке, утром десять минут вылезаю из кровати и сама себе напоминаю перевернувшуюся на спину черепаху. Сил моих больше нет, хоть бы скорее похолодало, плевать, что придется натягивать колготки, зато при каждом движении не буду обливаться потом, да-да, по три литра жидкости теряю, это не бабье лето, а лето Жанны Кальман!¹

Шутки выходили такими же неловкими, как я сама.

Потом лицо доктора Малуа вынырнуло из моей промежности, и он больше не улыбался. Молчал. А мне хотелось задать тысячу вопросов. Врач сдернул окровавленные перчатки, налил гель на мой живот, включил монитор аппарата УЗИ и погладил меня по голове. Тут-то я и осознала, насколько все серьезно.

Пока меня везли в операционную, я судорожно пыталась вспомнить все передачи о преждевременных родах, которые, увы, смотрела вполглаза. Каковы шансы семимесячного малыша на выживание? Какие последствия нам грозят?

Мне не хватило смелости задать вопросы, и я уставилась в потолок.

Нами занимаются девять человек. Твой папа уже едет. Надеюсь, он появится раньше тебя.

Акушерка объясняет, что и как будет происходить. Ее голос звучит мягко – таким тоном сообщают плохие новости. Я слушаю и не слышу, смотрю на дверь, надеясь увидеть твоего отца, анестезиолог прокалывает мне иглой спину, я клацаю зубами, они мажут йодом мой живот, я глотаю слезы – ты не должна почувствовать мой страх, не отвожу взгляда от проклятой двери, они складывают мне руки крестом на груди, я шепчу тебе, что все будет хорошо, открывается дверь, ну наконец-то твой папа здесь. Ты тоже.

¹ Жанна Луиза Кальман (1875–1997) – старейшая из когда-либо живших на Земле людей, чьи даты рождения и смерти документально подтверждены. Факт увековечен в Книге рекордов Гиннеса. После смерти национальной героини 4 августа 1997 года президент Жак Ширак назвал ее «бабушкой каждого француза».

Тома

21:34

Дорогой, это мама.
Я благополучно добралась.
Не забудь закрыть ставни, как стемнеет. На всякий случай. Целую. Мама

22:56

Спасибо за помощь, мам.
Не волнуйся за меня, все будет путем. Люблю тебя.

22:57

А я тебя еще больше.
Но ставни все-таки запри.
Целую. Мама

3. Элиза

Я шла к своему подъезду, неосознанно шаркая ногами, чтобы хоть чуть-чуть оттянуть момент возвращения, но мне нужно было выгулять Эдуара.

Мой чуждый сын оставил после себя пустоту и своего пса.

Собака весит четырнадцать кило, тринадцать приходится на кишки. По примеру котов и кошек он каждый день делает нам «подношение» (не птичку!).

Я требовала, чтобы Тома забрал пса с собой: «Дорогой, любое животное нуждается в хозяине... Вы не расстанетесь шесть лет, ты не можешь его бросить... Я целый день на работе, ему будет одиноко... Ты начнешь скучать по Эдуару, посмотри в эти глазки, они излучают любовь... Ну же, прояви благоразумие, он перестанет есть и умрет от голода, и это будет твоя вина! Бесчувственный и недостойный хозяин, убийца!» – все оказалось бесполезно. Теперь Эдуар – мой единственный спутник жизни.

Поднимаюсь по лестнице. Лифт слишком быстро доставит меня к порогу квартиры.

Поворачиваю ключ в замке, вхожу – и не вижу Эдуара. Странно – при Тома он вечно подпирал закрытые двери, ненавидя их всеми фибрами собачьей души. Так, в прихожей пусто, ковер не смят. В кухне тихо, в гостиной никого. Я готова запаниковать, но тут слышу храп, получаю наводку и на цыпочках иду в комнату Тома.

Стены хранят следы его юношеских увлечений. Рядом с концертной афишей рок-группы висят несколько фотографий в квадратных рамках, неоконченный эскиз граффити и осиротевшие канцелярские кнопки. На белой этажерке красуются запылившиеся медали, последние свидетельницы подвигов сына на гимнастическом помосте. Его первая гитара лежит на полу. Дверцы шкафа распахнуты, и у меня сжимается сердце при виде двух маленьких футболок, рваных джинсов, дико грязных носков и нелюбимого свитера (я связала его, когда Тома постигла первая любовная неудача). На месте, где стояла кровать, – пустота. Исчез письменный стол. А у меня дыра в груди – там, где у человека должно биться сердце.

Эдуар лежит там, где раньше находилось кресло.

Он одним глазом смотрит на меня, а другим обследует потолок. Мы усыновили пса, когда ему было четыре года: это был мой подарок Тома на день рождения, а выбрал он его сам, никого другого не захотел. Я согласилась, когда поняла, что это не блажь, но поставила условие: заниматься зверем будешь сам, без моего участия. Эдуар был самым уродливым существом в приюте. Белая шерсть с желтоватыми подпалинами, уши-радары, зубы в шахматном порядке, глаза, впитавшие всю скорбь мира с начала времен. Тома был сражен наповал.

– Мама, мы не можем его взять, на нас все будут пальцем показывать! – ныла Шарлин.

– Я-хочу-его! – отрезал Тома.

Моя дочь попыталась соблазнить брата лабрадором, французским бульдогом и прелестным малышом-метисом, но Тома не отступился и выдвинул железный довод:

– Он похож на дедулю.

Мы потеряли моего отца три месяца назад. Тома его обожал. Папа увлекался астрономией, любил природу и часто водил детей на свидание с деревьями, насекомыми и звездным небом. Он умер в свой день рождения. Ему было семьдесят четыре года. Звали его Эдуар.

Собака воспринимает мой взгляд как одобрение, вскакивает и мчится ко мне, оскальзываясь на паркете, язык болтается, как флаг на ветру. Я не успеваю принять защитную позу: Эдуар отталкивается задними лапами, выгибает спину и достает меня передними, больно царапая когтями.

– Уйди от меня, чертов дурак! – кричу я, и собака распластывается по полу. Когда мы пришли забрать его домой, волонтер в приюте предупредил нас, что с Эдуаром дурно обращались. Он не выносил, когда мы повышали голос, вздрагивал и подскакивал при малейшем

шуме, даже если звук издавало его собственное тело. Однажды он описался, когда я включила пылесос. Любовь, как известно, творит чудеса, и к Эдуару со временем вернулась вера в двуногих, но детские травмы не излечиваются полностью ни у людей, ни у братьев наших меньших.

Я наклоняюсь и нежно глажу его по голове. Пес перекачивается на спину и подставляет мне розовый живот. Зажатый между задними лапами хвост бьет чечетку. Пустота комнаты возвращает меня к реальности. Я выхожу, оставив Эдуара наедине с надеждами на нежные чувства хозяйки.

4. Лили

Я не знаю, где ты.

Они выдернули тебя из моего живота, на несколько секунд поднесли поближе и забрали.

Твоя бабушка (моя мама) часто рассказывала, как мы встретились. Она сразу меня узнала. Любовь к дочери сразила ее наповал. Я была уверена, что почувствую то же самое.

Я тебя не узнала.

У меня отлегло от сердца, когда я услышала твой крик. Разглядела волосики, увидела, что ты пускаешь пузыри, подумала: «У нее длинное тельце и могучий голос...» – но не связала маленькое существо с ребенком, которого растила внутри себя и любила всем сердцем.

Я лежу в реанимации, в узком боксе. Твой папа с тобой. Мне одиноко, впервые за семь месяцев.

Так не должно было случиться. Я миллион раз мысленно проигрывала сцену появления на свет моего ребенка.

Я безумно боялась родов с восьми лет, когда нашла в маминей комнате брошюру для беременных и пролистала ее. Мама тогда носила моего брата (твоего дядюшку Валентина). На последней странице была помещена кошмарная фотография чего-то, смахивавшего на голову младенца, вылезающего из того места, которым... мы писаем. Я побежала к бабушке, но она отмахнулась от моих вопросов, погладила по щеке и отослала играть. Книжица исчезла, оставив простор для моей фантазии, а ужас затаился в дальнем уголке мозга, чтобы ожить в подходящий момент. В юности я приняла решение не заводить детей, а если и впустить маленькое существо в свою жизнь, то пусть появится на свет из чужого места «сами понимаете для чего...». Страхи исчезли после встречи с твоим отцом: победило желание сотворить существо, как две капли похожее на него.

Все месяцы беременности я вырабатывала позитивный подход, надеясь заглушить тревогу. Говорила себе: «Мой ребенок родится солнечным днем, схватки будут похожи на щекотку, акушерка – на балерину, мой муж споет серенаду, а по радио споют ребята из *Radiohead*², не будет ни жарко, ни холодно, я в худшем случае закричу два, ну, может, три раза, а в лучшем – просто чихну, и ты явишься на свет во всей своей красе. Тебя положат мне на живот, мы встретимся взглядом, я красиво заплачу, твой папа обнимет нас, и мы станем настоящей семьей».

Все произошло иначе.

Ты не должна была рождаться, пока не будешь готова.

Я не должна была становиться матерью, пока не созрею для этой роли.

² Radiohead (от radio – радио и head – одержимый, фанат, *англ.*) – британская рок-группа из Оксфордшира. Группа была основана в 1985 году, и ее состав с того времени не менялся: Том Йорк, Джонни Гринвуд, Колин Гринвуд, Эд О'Брайен и Фил Селуэй. – *Здесь и далее прим. перев.*

Тома

09:08

Привет, милый, это мама.
Как прошла твоя вторая ночь? Сегодня будет очень жарко, пей побольше
воды. Целую. Мама

10:43

Все в порядке? Мама

11:34

Да, я спал. Целую, мам.

11:35

Целую, дорогой. Не забывай пить. Мама

11:36

Воду, естественно.
Целую. Мама

5. Элиза

Сегодня моей дочери исполняется двадцать три года.

Я звоню ровно в полночь по лондонскому времени.

– Привет, мамочка!

– С днем рождения, милая!

– Спасибо! Ты всех опередила.

Она знает, что я в этот момент довольно улыбаюсь. Смешно? Ну и пусть, зато я первая! Каждый год именно я открываю череду поздравлений, ведь это и мой праздник тоже. Я мама уже двадцать три года.

Я слышу голос Гарри, бойфренда моей девочки, он как обычно подтрунивает надо мной:

– Браво, тещенька, вы опять чемпионка!

– Сдавайся, парень, я непобедима.

Шарлин сообщает мне последние новости «запроливной» жизни, я делюсь своими. Она спрашивает: «У тебя правда все хорошо?» – я бодро вру, чтобы успокоить мою девочку, мы желаем друг другу спокойной ночи, и... наступает тишина.

Проклятая тишина гудит в ушах.

Включаю телевизор, чтобы заглушить мысли. На *TF1* люди стреляют друг в друга, на *France 2* – занимаются любовью, на *France 3* – сидят за семейным ужином, на *France 5* – спорят. Проверяю *M6* и выключаю ящик.

Эдуар храпит у моих ног.

Хочется отключиться, но сон, судя по всему, тоже куда-то переехал. Ностальгия – подруга ночи, и некуда деваться от печальных мыслей.

Я всегда боялась расставания с детьми. Когда родилась Шарлин, во мне произошла глубинная перемена. До появления на свет дочери я дружила со временем, теперь же начала упрекать его за быстротечность. Всю беременность приятельницы, прошедшие через это испытание раньше меня, предупреждали: «Пользуйся свободой, пока можешь, время пролетит так быстро, что не успеешь заметить...» Я, конечно, никого не посылала к черту, но считала их утомительными занудами и, только услышав первый крик Шарлин, встала в их ряды. Время течет иначе с тех пор, как я приобрела гордый статус матери.

Последние двадцать три года были посвящены детям. О нет, я не принесла себя в жертву, просто в моей жизни появился смысл. Я наконец-то стала полезной. И важной для других. Эгоистично? Конечно, но расчетливость ни при чем: материнство излечило раны, нанесенные детством.

Я кормила и переодевала детей, ласкала их, укачивала, утешала, выслушивала, лечила, подбадривала, защищала, баловала, обожала, восхищалась ими, понимала, будила, подбадривала, шутила с ними, учила и сопровождала. Я наблюдала, как они растут, ползают по полу, становятся на ножки, перемещаются из младенческой ванночки в общую, впервые заводят отношения... взрослеют. Никогда не забуду, как девчушка, стеснявшаяся станцевать на ярмарочном гулянье, превратилась в серьезную молодую женщину, представляющую свой проект большому собранию коллег. Малыш, начинавший рыдать, как только я отходила на слишком далекое, по его мнению, расстояние, вырос и уехал учиться в Париж. С детьми я познала невероятные по силе радости и самые ужасные страхи, благодаря сыну и дочери обогатилась чудесными воспоминаниями. Мне больно, если они страдают. Я осушаю их слезы, сдерживая свои рыдания. Дети поселились в моем сердце и заполнили все пустоты.

Я часто думала о расставании с Шарлин и Тома, понимала, что рано или поздно они вылетят из гнезда, но от этих мыслей у меня всякий раз щемило сердце. Я боролась с тревогой банальными фразами: «Такова жизнь», «Раз они с нами расстанутся, значит, обрели крылья»,

«Детей мы рожаем не для себя». Утешала меня всего одна мысль: «Время есть. Они еще побудут со мной».

Время вышло.

После двадцати трех лет «полной занятости» я стала матерью в отставке.

6. Лили

Ты очень маленькая, но места занимаешь много.

Пятнадцать часов я наблюдаю за тобой в инкубаторе, ты вся опутана проводами и трубками. Спустилась сюда, как только мне разрешили передвигаться в кресле. Врачи велют отдыхать, но об этом я подумаю позже, когда твои легкие, желудок и сама жизнь перестанут зависеть от аппаратов.

Ты находишься на первом этаже, моя палата на четвертом, твой папа пообещал не отходить от тебя, заявив, что я должна высыпаться. Он прав – руки у меня дрожат, голова кружится, – но сейчас важно быть все время начеку. Я боюсь, что, если закрою глаза, тебя не станет.

Вдруг мы отвернемся, а ты исчезнешь? Может, нам не сводить с тебя глаз, раз смерть предпочитает приватность?

Я пишу тебе, чтобы убить время и не думать. Твой папа принес блокнот в желтой обложке, и я каждый вечер заполняю страницы, хоть и не знаю, прочтешь ты когда-нибудь мои слова или нет.

Твою патронажную сестру зовут Флоранс. У нее темные волосы и обнадеживающая улыбка, она говорит с тобой, как любящая женщина, поэтому я ей поверила. И задала всего один вопрос: «Она выживет?» Все остальное не имеет значения, радость моя. Пусть понадобятся месяцы, даже годы, я готова проводить на ногах все ночи напролет, мне все равно, будешь ты здоровенькой или нет, только живи! Я столько всего напридумывала на сорок лет вперед (на пятьдесят, если займусь спортом), но готова поставить крест на твоём обучении игре на гитаре. Я запрещаю себе представлять, как надеваю на твою головку чепчики с кошачьими ушками, как укрываю тебя одеялком с мультяшными героями, перестану мечтать о свадьбе в саду. Только живи...

Флоранс объяснила, что у тебя трудности с дыханием из-за недоразвитых легких, что ты очень устала и не можешь питаться самостоятельно, но врачи делают все, что в их силах. Мне этого недостаточно. Пусть Флоранс пообещает, что ты будешь жить! Что однажды – пусть и не скоро – мы покинем родильное отделение с тобой на руках, как все счастливые родители, которых я встречала в коридорах. Я хочу, чтобы эта милая женщина поклялась, что ты будешь спать в своей колыбельке, будить нас плачем по ночам, что через несколько лет весь сегодняшний ужас останется в прошлом.

Но она не может. Здесь не дают гарантий. Мы не в *Darty*³, а в неонатальном отделении.

³ Магазин электроники и бытовой техники.

7. Элиза

Никогда еще я не ждала понедельника с таким нетерпением. Уж лучше работать, чем торчать одной дома. Прихожу раньше обычного, на месте только Нора и Оливье, он уже в наушниках. На клавиатуре моего компьютера лежит пакет. Коллега улыбается:

– Подумала, тебе потребуется взбадривающее средство.

Запускаю руку в пакет и достаю большой кусок оссо-ирати⁴ и баночку вишневого варенья. У меня впервые перехватывает горло из-за сыра.

– Поделишься? – интересуется Нора.

Я качаю головой, указав взглядом на Оливье, она понимает и протягивает мне нож.

– Я выгляжу настолько подавленной?

– Он для сыра, балда! – смеется Нора.

Приступить к пиру я не успеваю – появляется наша шефиня мадам Мадинье. Она жмет мне руку, саркастически улыбается и спрашивает:

– Свершилось? Птенец покинул гнездо?

Я не отвечаю, что нимало ее не обескураживает.

– Ради всего святого, Элиза, вы же не думали, что он до пятидесяти лет будет прятаться у вас под юбкой?! Детей заводят не для себя, не понимаю я женщин, относящихся к потомству как к недвижимому имуществу. Это второй старт, не упустите его, вы еще молоды, так не тратьте силы на переживания!

За двадцать лет я хорошо узнала мадам Мадинье. У нее есть мнение по всем вопросам, и она не может не высказаться, даже если ее ни о чем не спрашивают. Это сильнее ее. Ее любимые мишени – женщины. Лентяйки смеют уходить в декрет, а вот она вернулась на работу через неделю после родов! И эпидуралку⁵ ей не делали, наркоз – для трусих! Мадам ненавидит заносчивых развратниц, имеющих наглость носить мини-юбки, глубокие декольте и красить губы, а потом жаловаться, что их шупают все кому не лень. Сначала я молчала – не могла позволить себе потерять работу и каждое утро плелась на «службу» с тяжелым сердцем, но довольно скоро попыталась дать ей понять, как неуместны подобные высказывания. Ничего не вышло – возражения еще сильнее заводили мадам Мадинье.

Теперь я в отличие от коллег смотрю, как она плюется ядом, но в смысл слов не вникаю и воспринимаю их как надоедливый фоновый мотивчик, который все равно не смолкнет, пока не прозвучит последняя нота. Чужую жизнь легче судить и разбирать по косточкам, чем свою...

Она продолжает разглагольствовать, не глядя на меня:

– Заведите шиншиллу, если нуждаетесь в компании! Или мужчину, почему нет? Не хотите найти спутника жизни?

Оливье снимает наушники и, не скрываясь, хихикает.

Мадам Мадинье пиявит меня взглядом. Она ждет ответа, я теряюсь и бормочу:

– Нет... э-э-э... у меня...

Нора спешит на помощь, задает вопрос о полученном счете. Я набрасываюсь на сыр.

Съедаю все до корки, и тут Нора присаживается рядом со мной на корточки и шепчет:

– Ты должна заняться африканским танцем.

– Что-о-о?

⁴ Оссо-ирати (фр. *Ossau-Iraty*, также известный как *Istara*) – невареный прессованный сыр из овечьего молока, который производят на юго-западе Франции. Название сорта происходит от долины Оссо и букового леса Ирати.

⁵ Эпидуралка, или перидуралка (*жарг.*), – один из методов местной анестезии, при котором лекарственные препараты вводятся в эпидуральное пространство позвоночника через катетер.

– У Мадинье, конечно, много заскоков, но в одном она права: да, детишки выросли, но твоя жизнь не кончена! Ты всегда мчалась после работы домой, к сыну, а теперь у тебя есть время для себя. Ты впадешь в депрессию, если будешь сидеть взаперти. Неужели у тебя нет хобби?

Я задумываюсь.

– Даже не знаю... Возможно, мне понравилось бы рисовать или играть на пианино.

– Черт, Элиза, да тебе и пятидесяти нет! Хочешь до конца дней лепить из глины?

– Почему бы и нет...

Нора закатывает глаза:

– Ты меня утомила! Пойдем со мной во вторник вечером на африканские танцы. Тебе точно понравится!

– Ты прелесть, Нора! Но... Тебе двадцать семь, и мы в разной физической форме.

– Плевать на форму! На курсах каждый человек следует своему ритму и темпу, главное – получать удовольствие. Ты не будешь единственной старушкой, там занимаются дамы всех возрастов!

Она прыскает со смеху, осознав свою последнюю фразу. Нора появилась у нас три года назад, принесла с собой неукротимый оптимизм. Я смотрю на нее и думаю о своей пустой квартире, представляю, как буду потеть под барабаны, думаю о моей пустой квартире, слышу жалобы моих суставов, думаю о моей пустой квартире и говорю Норе, что согласна, почему нет, во вторник вечером обязательно буду.

8. Лили

Тяжелее всего приходится ночью. Я и раньше никогда не любила это время суток, а уж теперь...

Каждые три часа звонил будильник, и я пыталась сдаться. Не знала, буду ли кормить тебя, но все-таки решила попытаться – осторожно, едва надавливая.

За один раз получается «надоить» несколько миллилитров, но мне очень важно знать, что молоко добавляет тебе сил. Мое тело засбило во время беременности, но теперь мы будем бороться до последнего.

Будильник прозвонил в четыре утра. В соседней палате орал-надрывался младенец. Я позавидовала его матери. Вспомнила всех доброжелателей, благородно предупреждавших нас: «Ловите момент, потом времени для сна не будет». Я бы многое отдала за то, чтобы ты не давала мне спать.

Чувствовала я себя ужасно: шов болел так, как будто собирался вот-вот разойтись. Я взяла пульт, подняла изголовье кровати и попробовала сесть, держась за бортики, перекатилась на бок и уже через пять минут поняла, что одна не справлюсь. Твой папа, как и каждую ночь, спал на узкой приставной койке, и я позвала его. Шепотом. Совсем тихо. Напевно. Он что-то пробормотал, повернулся ко мне, приоткрыл глаза и снова провалился в сон. Я повысила голос – он засопел. Пришлось бросить в него пульт.

– Черт, Лили, что случилось?

– Прости, что разбудила, но мне нужна твоя помощь.

– А почему ты не вызвала медсестру?

– Подумала: муж будет рад поспособствовать. Извини, ошиблась!

Он тяжело вздохнул и поднялся на ноги.

– Не сердись, устал ужасно и поглупел спросонья. Давай руку, дорогая, сейчас все сделаем.

Я отпихнула его и заорала, дав волю гневу:

– Ты устал? Да неужели?! Что тебя так утомило, котенок? Тебя тошнило три месяца? Тебе взрезали живот, как посылку? Ты потерял литр крови? Ты только и делаешь, что сцеживаешься в бутылочки? Не можешь один добраться до унитаза? Потерял сон от страха? Давай, милый, поделись со мной, и я помогу тебе отдохнуть!

Я начала судорожно жать на звонок. Он лег досыпать.

Акушерка помогла мне сесть поудобнее и пристроить молокоотсос. Я занялась делом, но мысли никуда не ушли. Меня трясло от злости. Ярость незаменима, если требуется замаскировать грусть или страх, похоронить чувство вины или стыда. Ярость, подобно карточному джокеру, занимает место эмоций, которые нас «грузят», и мы превращаемся в совершеннейших тиранов. Феномен хорошо мне знаком – я его испытала на практике. Несколько лет назад я сумела справиться с тяжелейшим испытанием в моей жизни, но отпугнула почти всех друзей.

Не знаю, почему я сорвалась на твоего папу. Наверное, все дело в его спокойствии. Я счастлива, но мне страшно, а он просто счастлив. Восхищается твоим носиком – и не замечает маски, которая его прикрывает, любит дочку, абстрагировавшись от проводов и трубок, поддерживающих в тебе жизнь, и не задается фатальным вопросом «А что, если...». Наверное, бешусь я по очень простой причине: он может в любой момент вернуться домой, но не делает этого, и все им восхищаются. А может, он просто попал под горячую руку. Тех, кого любим, мы терзаем самым жестоким образом.

Я была к нему несправедлива.

Я остыла.

Успокоилась и прошептала:

– Прости меня.

Он не ответил. Даже головы не оторвал от подушки и не взглянул на меня.

Я вызвала медсестру, отдала ей бутылочку с молоком, легла и, уже соскальзывая в сон, услышала голос твоего отца:

– Ты кричишь – и тебе становится чуточку легче, я молчу, но мой страх неотличим от твоего.

Шарлин

16:54

Ку-ку, дорогая, это мама!
Прочла, что в Лондоне автобус попал в ДТП, напиши мне. Целую. Мама

17:23

Привет, мамуля, это Шарлин, пишу тебе из Ада (шучу!).
Торчу в пробке.
Как чувствовала, что надо ехать на велосипеде.

17:24

Ха-ха. Надо было тебе стать юмористкой.
Не забывай надевать шлем, когда седлаешь велик.
Целую. Мама

9. Элиза

Эдуар больше не боится дверей. У него новое увлечение: он вообразил себя бобром и грызет журнальный столик, покушается на ножки гардероба в прихожей, бросается на кухонный шкафчик. Стружкой пока не какает, и на том спасибо. Ветеринар называет его состояние депрессией.

– Хозяин ушел, и Эдуар решил, что его бросили. Я пропишу лекарства, но вам придется помочь ему справиться. Играйте с вашей собакой, пусть пес почувствует свою значимость.

На обратном пути я наблюдаю за Эдуаром в зеркале. Он лежит на заднем сиденье, положив голову на лапы, и меланхоличным взглядом смотрит в пустоту.

Не знаю, что и делать. Я и со своими чувствами едва справляюсь, мне не до собачьих сантиментов! Останавливаюсь у подъезда, хватаю телефон и звоню Тома. Он отвечает после четвертого гудка:

– Привет, мам!

– Привет, милый. Как дела?

– Суперски! Дело срочное или я могу тебе перезвонить?

Я подсказываю от испуга – кто-то шумно дышит мне в затылок. Эдуар услышал голос хозяина и ужасно возбудился.

– Ничего срочного, просто хотела узнать новости.

– О'кей, целую!

– Целую, мой маль...

Но он уже закончил со мной.

Я несколько минут уговариваю Эдуара выйти из машины. Он нехотя тащится к подъезду, а по лестнице взбирается, как осужденный на казнь. Я подбадриваю его, но мой голос звучит фальшиво – уныние победило.

Терпение закончилось, как у человека, добравшегося до места назначения. Я запираю дверь, сбрасываю туфли и бегу в туалет. Эдуар садится напротив, смотрит на меня правым глазом. Я захлопываю дверь, чертыхнувшись вполголоса. В квартире наверху шумно – дети носятся по комнате, мать прикрикивает на них: «А ну-ка успокойтесь!»

Выхожу и не вижу пса. Эдуара нет ни в кухне, ни в комнате Тома, ни у меня. Зову его – не откликается. Нахожу в гостиной: мсье лежит на диване, а завидев меня, отворачивается к стене.

– Слезай, Эдуар.

Ноль внимания.

– Давай, давай, ты прекрасно знаешь, что диван не для собак!

Он не реагирует: голова повернута на 180 градусов, уши прижаты, выпученные глаза уставились в какую-то точку на стене. Этот гений свято убежден, что я его не вижу, раз он на меня не смотрит.

Начинаю смеяться, и песий хвост «отмирает», выбивая медленную дробь. Я бегу в комнату сына, кричу во весь голос:

– Тома, иди посмотри, что творит твой дружок!

В ответ – тишина. Я часто забываю, что мой мальчик съехал, он теперь самостоятельный мужчина. Черт, как больно...

10. Лили

Сегодня утром ты переехала в отделение неонатологии, на пятый этаж. Прощай, кувез⁶, да здравствует столик с подогревом. Они утверждают, что это обнадеживающая новость.

Отделение разделено на три зоны: голубую, розовую и зеленую. Тебя размещают во второй.

В собственном боксе, за закрытой стеклянной дверью. Жалюзи на окнах опущены, чтобы свет не попадал тебе в глаза. Вокруг колыбели расставлены аппаратура, голубое кресло, стул, стол, стеллаж для твоих вещей, косметика для новорожденных. На стене висит белая доска – мы можем писать и рисовать на ней или развесить фотографии, чтобы твое первое собственное жилье не выглядело обезличенным. Сюда можно приходить в любое время, днем и ночью, и оставаться сколько угодно. «Вы здесь у себя!» – так они нам сказали.

До сих пор я не решалась взять тебя на руки. Врачи убеждали меня, что это принесет пользу, что тактильный контакт – наиглавнейшее лекарство, а я отвечала, что очень боюсь – вдруг ты замерзнешь или проснешься! Но правда в том, что мне было страшно не за тебя.

Я знала: если приложу тебя к себе, все загублю.

Но сегодня утром наконец решилась.

Я села в голубое кресло, сняла футболку и лифчик и застыла в ожидании. Патронажную сестру звали Эстель, и ее природная нежность поражала воображение. Она не говорила – пела. Эстель устроила тебя, не задев ни одного проводка, мне было так страшно, что я начала задыхаться, как перед важной встречей.

Ты сразу инстинктивно приняла самую удобную позу, прижалась личиком к моей груди, и я перестала видеть маску и трубки и больше не слышала тревожного «бип-бип» монитора.

Я знала, знала, что все будет плохо. У меня дрожали ноги, в сердце произошел взрыв.

Не знаю, суждено ли тебе жить, любовь моя, но я рискну. А если случится худшее, утешусь тем, что твой животик прижимался к моему, твои пальчики касались моей кожи. Я познаю великое, самое мощное на свете чувство материнской любви.

Я стану матерью.

Я посмотрела на часы.

Вторник, 18 сентября, 09:43.

В этот самый момент я тебя узнала.

⁶ Приспособление с автоматической подачей кислорода и с поддержанием оптимальной температуры, в которое помещают недоношенного новорожденного.

11. Элиза

Не знала, что в нашем теле столько воды. С меня сегодня сошло столько потбв, что ими можно оросить всю планету. Нора – совершенно сухая! – ободряюще мне улыбается. Урок африканского танца начался десять минут назад, а я уже жалею, что не выбрала курсы лепки из глины.

Нашу преподавательницу зовут Мариам – высокая, очень коротко стриженная хохотушка в ярких одеждах и крупных позолоченных украшениях. Она рождена, чтобы танцевать, ее движения завораживают, и я не свожу с нее глаз. Потом бросаю взгляд в зеркало. О ужас! Нет зеркалам, буду воображать себя такой же грациозной, как наша наставница.

– У тебя здорово получается! – подбадривает меня коллега.

Пытаюсь сказать спасибо, но мне не хватает дыхания, поэтому концентрируюсь на музыке и пытаюсь не путать шаги, прыгаю на одной ноге, на другой, машу руками, обливаюсь потом, пыхчу, страдаю, обнаруживаю незнакомые прежде мышцы, и они, мягко говоря, недовольны. И все-таки мне это нравится! Вернулись давно забытые ощущения.

В девичестве я обожала танцевать и каждую субботу садилась за руль «Рено-5», подхватывала Мюриэль, потом Соню и Каролину, и мы ехали в «Макумбу», подпевая любимым мелодиям, записанным на кассету. В полночь мы входили в зал, здоровались с друзьями-приятелями и ступали на танцпол. В никотиновой дымке и лучах разноцветных ламп, под звуки *Cock Robin*⁷, *Midnight Oil*⁸, *INXS*⁹, *Depeche Mode*, *a-ha* или *Niagara*¹⁰ я забывала о времени, усталости и огорчениях. Мариам объявляет перерыв. Я готова расцеловать ее – наконец-то можно утолить жажду! Она подходит ко мне.

– Ну, что скажешь?

Я качаю головой, сиплю в ответ:

– Это здорово, мне, увы, больше не двадцать!

Мариам хохочет:

– А сколько тебе?

– Скоро будет пятьдесят.

– Я старше...

Я смеюсь, и Нора сообщает на полном серьезе:

– Правда-правда, Мариам почти шестьдесят.

Вглядевшись повнимательнее, я замечаю морщины на лбу, складки на веках и седину на отрастающем ежике волос.

– Возраст – тюрьма! – провозглашает наш танцевальный гуру. – Лично я отказываюсь там сидеть. Есть двадцатилетние старики, а я... молодая шестидесятилетняя девушка! Насчет себя решай сама.

Я пожимаю плечами.

– Жалко, что мои колени с вами не согласны.

Мариам весело фыркает:

– Приходи сюда каждую неделю, и к концу года твои коленки почувствуют себя на двадцать. Так, девочки, продолжаем!

⁷ Cock Robin — американская поп-рок-группа (Лос-Анджелес, 1982), популярная в 1980-х годах в континентальной Европе.

⁸ Midnight Oil — австралийская рок-группа (Сидней, 1971), исполнявшая жесткий паб-рок.

⁹ INXS — австралийская рок-группа (Сидней, 1977), первоначально играла смесь фанк-рока, ска и регги.

¹⁰ Niagara — французская поп-рок-группа (Ренн, середина 1980-х), популярная во Франции и Канаде во второй половине 1980-х годов и в начале 1990-х, эволюционировала от новой волны и синти-поп-стиля к более рок-ориентированному стилю.

Я бросаю злобный взгляд на часы. Во время перерыва стрелки мчались наперегонки, а сейчас устроили сюрпляс. Мариам выбирает музыку, и пытка возобновляется.

В конце занятия я превращаюсь в лужу. Все аплодируют, а я пытаюсь вновь обрести человеческую форму. Нора подбадривает меня:

– Ты справилась – я потрясена!

– Ненавижу тебя...

Она хихикает:

– Я знала, что тебе понравится, и буду рада, если встретимся здесь на будущей неделе.

Голос Мариам нарушает мой план немедленного мщения:

– Пока вы не разошлись, дамы, послушайте объявление: ассоциация «Маленькие шажки», куда я имею честь входить, ищет добровольцев. Если найдете свободное время, собрание в пятницу.

Не знаю, можно ли заработать паранойю, злоупотребив спортом, но у меня возникает неприятное чувство, что Мариам смотрит именно на меня.

– А чем занимается ваша ассоциация? – спрашивает кто-то.

Мариам улыбается – персонально мне.

– Ласкает и нежит новорожденных в отделении неонатологии.

12. Лили

Я никого не хотела видеть. Мне не хватало решимости на споры и объяснения. Так бывает всякий раз, когда что-то случается. Я закрываюсь и переживаю неприятности и горести в одиночку, но нам сказали, что посещения могут принести тебе только пользу.

Бал открыл твой дедушка (мой отец). Твой папа спустился за ним в приемный покой родильного отделения и привел в палату. Ты спала у меня на животе. Он вошел – бесшумно, улыбнулся – пряча за улыбкой страх, поцеловал меня в лоб, погладил по голове и молча – взглядом – попросил разрешения поцеловать тебя. Его губы коснулись твоего виска, и у меня на глазах выступили слезы.

Мой отец первым – после твоего папы – узнал, что я жду ребенка. В тебе было всего несколько миллиметров, мы переживали опасный период – я не знала, «удержу» ли тебя, но ждать не хотела. И подарила отцу счастье, наплевав на все суеверия.

Он сел напротив и протянул мне пакет. Я покачала головой – «прости, руки заняты», и он нервно хохотнул. Твой папа развернул подарок и достал плюшевое существо с толстым животом и длинными ногами.

Твой дедушка признался, понизив голос до шепота, что выбрать игрушку ему помогла продавщица, и я вдруг жутко растрогалась, представив, как он искал для тебя подарок, один в большом магазине.

Пробыл он недолго, говорил о пустяках, как будто вознамерился во что бы то ни стало отвлечь меня от печальных мыслей, но все-таки спросил, когда тебя выпишут. Я не посмела ответить: «Не *когда*, а *если*...» Уходя, отец обратился к тебе. Сказал «до скорого, моя дорогая», – и у меня чуть не разорвалось сердце.

Потом появилась твоя крестная, моя самая старинная подруга. Впервые я увидела ее, придя осенью в начальную школу. Она была в потрясающих розовых лодочках-балетках. Несколько дней подряд я умоляла маму купить мне именно такие туфельки, но они слишком дорого стоили. Я получила кеды, а продавщица утешила меня леденцом на палочке. Учительница попросила нас выбрать место за партой, и я села рядом с девочкой в розовых балетках. Мы не расстаемся уже двадцать лет – вместе учились читать, писать, прощать, целоваться с мальчишками, спать валетом, сбежать из дома, не разбудив родителей, понимать друг друга без слов, хранить секреты, теряться, прощать обиды и преодолевать непреодолимое. В тринадцать лет моя жизнь разбилась вдребезги, и многие сочли за лучшее отстраниться от чужой боли, но твоя крестная крепко держала меня за руку. Она была бесконечно терпелива, помогла собрать все осколки и не пыталась убедить, что я стала прежней. Год спустя сломалась ее жизнь, история повторилась, и мы соединились навсегда. Случается, что дружба держится на паре розовых туфель.

Она вошла в бокс, крепко меня обняла, погладила твою пяточку и спросила:

– Ну что, маленькая хитрюга, хочешь, чтобы все смотрели только на тебя?

Шутка вышла на троечку, но прозвучала бодро-весело, словно мы были дома, а не в больничном боксе.

Крестная подарила тебе желтого зверика с большими ушами, а мне протянула пакет со словами:

– Нет причин баловать только эту крошку. В конце концов, геморрой грозит тебе!

Я получила лучшее на свете «подношение» – кусочек козьего сыра и половину багета. Забеременев, я отказалась от устриц, алкоголя, колбасы и многих других вещей, чтобы ты хорошо себя чувствовала. Курить я бросила двумя годами раньше, но скучала только по сыру, пыталась довольствоваться разрешенными, из пастеризованного молока, но ни один не мог

сравниться с рокамадуром¹¹ и кабеку¹² из сырого козьего молока. Надеюсь, ты простишь меня за то, что доверила тебя папе, чтобы насладиться подарком.

Твоя крестная еще не ушла, когда появились родители твоего отца, который держал тебя на руках, прижимая к груди. Они принесли двух розовых «непонятно кого» (поздравляю, милая, будешь пасти всех этих существ). Бабушка обцеловала тебя, дед шепнул: «Красавица!» Твой папа с трудом сдерживал слезы, и я пошла провожать любимую подругу, чтобы дать вам всем пообщаться, и даже вышла на улицу, в жаркое лето. Я сейчас живу в зиме...

Я шла по длинному коридору и была у дверей бокса, когда услышала голос твоей бабушки и поняла, что она обращается к твоему отцу:

– Будь она осторожнее, может, ничего подобного не случилось бы.

– Мама!

– Говорю, что думаю! Я ее предупреждала: «Брось работать!» – она не послушалась, и теперь мы имеем, что имеем.

Я оцепенела. Они меня не видели, и на вопросительный взгляд Эстель, твоей патронажной сестры, я покачала головой. Ждала, что ответит твой папа. Не дождалась и присоединилась к родственникам. Твоя бабушка встретила меня улыбкой, сказала: «Хорошо выглядишь, милая...»

Эстель почти сразу выпроводила их, объявив, что ей пора заняться твоим туалетом.

Мне не хотелось выяснять отношения в твоём присутствии, тебе нужны положительные эмоции, а не грызня родителей. Разговор я начала только в палате:

– Мог бы вступить за меня.

– О чем ты?

– Сам прекрасно знаешь. Твоя мать заявляет, что дочь родилась до срока по моей вине, а ты в ответ молчишь.

Он протянул мне руку, я отшатнулась.

– Ты же знаешь мою мать, Лили, с ней бесполезно...

Он попытался утешить меня, урезонить, но я молчала, пока не уснула. Я не злилась на твоего папу. Только на себя.

Сразу после твоего рождения виноватость стала моим постоянным спутником. Что было бы, если бы я ела больше овощей? А если бы бросила работать? Перестала носить тяжелые сумки и пылесосить?

Тебя подвело мое тело, значит, во всем виновата я.

Хорошо бы твой отец притворился, что он так не думает...

¹¹ Сыр рокамадур с плесенью производят во Франции из нескольких удоев козьего молока за сутки. Продукт относится к тем видам сыра, которые должны быть изготовлены исключительно на определенной территории, в противном случае он не может считаться настоящим. Название этот сыр получил совсем недавно, раньше его называли сент-амадур.

¹² Кабеку – мягкий французский сыр, изготавливаемый фермерским способом в исторической области Керси, гористой области Руэрг и в Перигоре. Исконно контролируемое название сыру было присвоено в 1988 году, на старинном лангедокском наречии означает «козий сырок».

Шарлин, Тома

08:56

Привет, мои дорогие, это мама. У меня все болит.
Вы знали, что в подошвах тоже есть мышцы? Сейчас приготовлю себе пасту.
Целую. Мама

Шарлин 09:44

Салют! Не думала, что макароны лечат ломоту в теле. Целую крепко, мамуся.

09:46

Ты права. Целую. Мама

Шарлин 10:32

Зачем тогда ты написала про пасту?

10:33

Затем, что собираюсь поесть. Целую. Мама

Тома 11:07

Потрясающе интересно.

13. Элиза

Я лежу на кровати и смотрю в потолок. Я превратилась в боль и страдание. Тело мстит мне за дерзость. Каждое движение причиняет боль, хотя я стараюсь шевелиться по минимуму. Меня как будто перепахали – как землю. Если однажды вздумаю кого-нибудь попытать – а вдруг! – запишу врага на курсы африканского танца.

Эдуар наблюдает за мной от двери. Он меня осуждает. Его правый глаз хитро блестит, если бы пес умел, ухмыльнулся бы.

Я встаю – с трудом, но без подъемного крана. Эдуар взволнован – ему хочется гулять. Одеваюсь максимально быстро, пристегиваю поводок, закрываю дверь и вызываю лифт, жду пять минут и смиряюсь, он не работает. Любимая игра живущего в доме молодняка. Мерзавцы...

Спуститься по лестнице с пятого этажа на ногах, «измученных» африканским танцем, мягко говоря, нелегко. Изображаю циркуль, молюсь о том, чтобы никого не встретить, – и, конечно же, сталкиваюсь внизу с мадам Ди Франческо. Она одаривает меня благосклонным взглядом и семенит к своей квартире. Я знаю, что старушка будет там делать. Когда ей было восемьдесят, она потеряла мужа и с тех пор существует как восьмидесятилетний ребенок. Уже много месяцев каждый божий день хрупкая женщина крадется к почтовым ящикам и награждает других жильцов мелкими, но сугубо персональными подарочками. Потом она «встает на пост» у дверного глазка, расположенного точно напротив холла, и проводит там большую часть дня, карауля реакцию соседей. Она не таится и громко хохочет, если что-то ее веселит.

Лично я каждый вечер достаю из ящика не только письма, извещения и рекламные листовки с буклетами, но и... желуди. Потому что моя фамилия – Дюшен¹³. Думаю, бабуля насобираала тонну дубовых плодов. Мне еще повезло: мсье Ларош¹⁴ с третьего этажа получает камешки, семья Мусса¹⁵ – мыльные стружки, а Лапены¹⁶ – морковные кружочки.

Эдуар тянет меня на улицу, к ближайшему газону: господин пес любит облегчаться только на траве – или на моем ковре.

– Писай, Эдуар, мне еще собраться нужно. Встань в позу и пусти струю!

Я вдруг осознаю, что произнесла нечто не слишком пристойное, и виновато оглядываюсь: слава богу, людей рядом нет, никто меня не слышал! Никогда не думала, что однажды превращусь в девчонку-чирлидершу из-за пищеварительных проблем собственного пса.

Эдуар игнорирует мои проблемы и продолжает свою обонятельную прогулку. В кармане беззвучно вибрирует телефон, на экране – фотография моей дочери. Сердце срывается с места, как спринтер на стометровке. Дети шлют сообщения, отвечают на звонки, но сами редко набирают мой номер. Я не обижаюсь, напротив – радуюсь, что у них такая наполненная жизнь, поэтому, когда раздается звонок, реагирую неадекватно. Жду рыданий в трубке. Сообщения пожарного¹⁷. Роковой фразы.

– Привет, мамусик!

Голос звучит весело, и я успокаиваюсь. Птицы снова поют, солнце светит.

– Здравствуй, дорогая, у тебя все хорошо?

– Суперски! Можно я проведу у тебя выходные?

Глупый вопрос.

¹³ Le chêne (фр.) – дуб.

¹⁴ La roche (фр.) – скала, утес.

¹⁵ La mousse (фр.) – пена.

¹⁶ Le lapin (фр.) – кролик.

¹⁷ Гражданские пожарные во Франции выполняют не только задачи по тушению огня, но и аварийно-спасательные работы.

– Конечно. Вы оба приедете?

– Нет. Только я.

– Уверена, что ничего не случилось?

– Да, да, так что пока, я уже пришла на работу. Закажу билет и сразу сообщу, когда прилетаю. Ну все, мамуля, до скорого!

– До...

В трубке уже гудки.

Эдуар исполнил свой долг и скребет лапой по траве.

В холле мсье Лапен чертыхается у открытой дверцы почтового ящика. Расскажу Шарлин – пусть повеселится. Пойдем с ней в кино или, как в благословенные старые времена, устроимся у телевизора с разными вкусностями. Я приготовлю паштет из тунца, Шарлин его обожает. У подножия лестницы Эдуар застывает. Он наотрез отказывается двигаться дальше, я тяну за поводок, пес упирается, скользит лапами по кафельному полу, но не сдается. Времени на торг с ним не осталось. Беру упрямую скотину на руки и начинаю подниматься по ступенькам. На полдороге осознаю, что после разговора с дочерью радость задала трепку душевной боли.

14. Лили

Мы с твоим папой впервые за все время пообедали не в нашей палате, а в семейной столовой. Это помещение находится в конце коридора, здесь есть столы со стульями и диванчик, оборудован кухонный уголок, в холодильнике можно хранить свои продукты. Сюда разрешено приглашать близких: игрушки, книги и телевизор отвлекают детей, которых привели навестить новорожденных, от взрослых и чаще всего невеселых разговоров, а родители могут ненадолго выйти в парк глотнуть воздуха.

Мамочка тройняшек из бокса № 8 ела и листала какой-то журнал. За столиком рядом устроились родители малыша из соседнего бокса, за другим, лицом к окну, сидела женщина, вообще не покидающая отделения: она ночует на диване в семейной комнате. Мы вежливо поздоровались, и каждый вернулся в свою скорлупу: все как будто боялись встретиться взглядом с товарищами по несчастью, и это было странно.

Твой папа спустился на первый этаж за сэндвичами, но они оказались не просто невкусными, а омерзительными, я завязла в своем зубами. Трудно, наверное, удовлетворять запросы и вкусы разных людей. Я медленно двигала челюстями, и тут в очередной раз раздался сигнал тревоги. Привыкнуть к этому звуку невозможно, он неизменно приводит нас в ужас. Мы подняли головы, потом засуетились патронажные сестры, и все привстали. Мысли я читать не умею, но точно знаю, о чем взмолился каждый родитель: пусть это будет не мой ребенок!

На этот раз пронесло. Коридор огласился диким, почти звериным воплем убитой горем матери. Я инстинктивно кинулась к тебе, подняла так высоко, как позволили трубки и шнуры, и уткнулась носом в тоненькую шею, впервые мысленно назвав себя везучей. Через несколько секунд твой папа обхватил нас руками, как будто хотел защитить от враждебного внешнего мира.

Не помню, сколько мы так простояли.

Позже к нам в бокс пришел познакомиться заведующим доктор Бонвен, круглощекий мужчина лет пятидесяти, с руками в татуировках и седыми волосами, забранными в конский хвост. Человек, который так выглядит, не может быть гоним дурными новостями.

Он сразу перешел к делу:

– Мне сообщили, что вы очень обеспокоены будущим вашей дочери.

Тон был серьезный, но слова он выбирал крайне осторожно. Я положила тебя, приготовившись слушать. Он продолжил:

– Она поступила к нам с дыхательной недостаточностью, вызванной РДСН¹⁸ и ретинопатией недоношенных¹⁹. Эти патологии мы лечить умеем. Ваша дочь хорошо отзывается на процедуры и нуждается в минимальном количестве дополнительного кислорода. Я рассчитываю в скором времени перевести девочку на простую дыхательную поддержку. Потом она будет учиться самостоятельно питаться.

На то, чтобы осознать услышанное, я потратила секунд двадцать.

– Значит, она справится? – спросила я сорвавшимся голосом, и он улыбнулся, предваряя ответ:

– Скажем так: ваша дочь не относится к числу пациентов, о которых я тревожусь. Вы проведете с нами еще некоторое время, но все должно быть хорошо.

Я мысленно скомандовала слезам: «Прочь!» – они не подчинились.

¹⁸ Респираторный дистресс-синдром новорожденных — тяжелое расстройство дыхания у недоношенных детей в первые дни жизни, обусловленное первичным дефицитом сурфактанта и незрелостью легких.

¹⁹ Ретинопатия недоношенных – тяжелое заболевание глаз, развивающееся преимущественно у недоношенных детей, сопровождающееся изменениями в сетчатке и стекловидном теле.

– Простите, я ужасно испугалась...

Врач покачал головой:

– Не извиняйтесь. Нам проще, исправлять патологии – наша работа. Случаются неожиданные, счастливые или трагические, но врачи понимают, что происходит с каждым ребенком, а родители блуждают в тумане.

Бонвена позвала сестра, он погладил тебя по голове и вышел из бокса, а я бросилась в объятия твоего отца и позволила рыданиям унести прочь страх, тоску и чувство вины. Потом мы сообщили радостную весть тебе. Выкарабкаемся!

15. Элиза

Встреча происходит в помещении ассоциации. В маленькой комнате столы образуют подкову, на доске что-то пишет женщина. Ее зовут Элен, именно с ней я вчера говорила по телефону.

Номер, полученный от Мариам, я набрала «вдруг». Всякий раз представляя, как буду нежить лежащего в больнице младенца, я испытывала противоречивые чувства и справиться с ними не могла.

Разговор получился короткий. Элен задала несколько вопросов и предложила прийти в понедельник вечером на установочное собрание.

Нас одиннадцать. Элен начинает с описания структуры и задач ассоциации. Двадцать волонтеров сменяют друг друга у изголовья маленьких пациентов во всех педиатрических отделениях. Задача проста: помочь детям забыть о болезни и жизни взаперти, играя с ними, читая, беседуя.

– Нам не хватает волонтеров-добровольцев в неонатологии, туда в основном кладут недоношенных детей, но есть и дети с патологиями, родившиеся в срок и нуждающиеся в лечении. Больница недавно открыла новое крыло, что позволяет принимать больше детей из Бордо и окрестностей. Нам нужны *ласкатели* – так мы называем волонтеров, в других клиниках они *няни* или *баюкатели*, но занимаются все одним и тем же: держат детей на руках, разговаривают с ними, холят, окружают любовью.

Женщина лет шестидесяти поднимает руку, и Элен дает ей слово.

– Мы сможем выбирать... грудничков, которыми будем заниматься?

– Нет, – сухо отвечает Элен. – Мы не в куклы играем, а делаем важную и трудную работу. Исследования показали, что у новорожденных, которых ласкают, быстрее выравниваются сердечный ритм и температура, но не только. Это смягчает болезненные ощущения, ослабляет стресс, одновременно усиливая хорошее самочувствие. К сожалению, не все родители неотлучно находятся при своих малышах, поэтому мы...

– Почему? – перебивает ее высокий лысый мужчина, сидящий справа от меня.

– Почему что? – переспрашивает кураторша.

– Почему родители оставляют детей в одиночестве?

Элен что-то записывает в блокнот, потом отвечает:

– Один из главных принципов, которым должен руководствоваться хороший волонтер, – никогда никого не судить. У всех родителей свои причины, разные, но неизменно веские. Кто-то живет в двух часах езды от больницы, у других есть еще дети, которым требуется пригляд, а помочь некому. Многим матерям физически трудно передвигаться после родов, а кого-то накрывает послеродовая депрессия, так называемый беби-блюз. Случается, что люди слишком напуганы и не могут противостоять реальности. Мы не становимся папами и мамами, просто на время подменяем их. И, кстати, взять на себя заботу о любом ребенке можно только с согласия родителей.

Мужчина молча кивает. Молодая женщина, тоже кандидат в волонтеры, качает головой, ей услышанное явно не понравилось. Элен спокойно продолжает перечислять обязанности волонтеров. Мы должны быть свободны в определенное время, как минимум раз в неделю, взять на себя волонтерские обязанности на год, предоставить руководству ассоциации досье криминалистического учета, встретиться с психологом, провести один пробный день в больнице – и тогда... Тогда нас зачислят в ассоциацию на месяц испытательного срока.

– У вас есть вопросы?

Вопросы нашлись. Элен отвечает вежливо, после чего беседует с каждым индивидуально, в соседнем кабинете. На интервью отводится десять минут, и за это время куратор пытается прозондировать мотивацию людей.

Я такого не ожидала и не подготовилась. Ищу слова, убедительные доводы, хочу понравиться, но бормочу одни банальности. Элен делает заметки, благодарит меня и просит пригласить следующего кандидата. Я понимаю, что провалилась, и мне хочется плакать, как бы глупо это ни выглядело. Уже в дверях признаюсь по наитию:

– Во мне много нерастраченной любви, которую теперь не на кого излить. Поэтому я каждую ночь лелею собственные воспоминания.

Элен поднимает глаза от блокнота, улыбается мне и спрашивает, свободна ли я в следующую среду.

16. Лили

Ребенок из соседнего блока вернулся домой. Прощаясь с командой врачей и патронажных сестер, его мама улыбалась и плакала, как будто ей было грустно с ними расставаться. Я наблюдала за этой сценой через застекленную дверь и думала: «Если мы однажды отсюда уйдем, плакать меня заставит только лук!»

Бокс пустовал недолго: привезли инкубатор с младенцем, следом появился растерянный отец. Мою ободряющую улыбку он не заметил. Человек слепнет, когда небо рушится ему на голову.

Правда, у некоторых наступает просветление в мозгах.

Это и произошло с нами сегодня утром, когда Флоранс сообщила, что с прошлой ночи ты довольствуешься ничтожным количеством кислорода.

– Огромный прогресс! – заявила она, укладывая тебя ко мне на живот.

Твой папа написал на белой доске большую букву «Ч» – от Чудо-Женщины и добавил «Чудо-Ребенок». Тебе очень подходит это «звание».

Потом появилась психолог по имени Ева. Раньше мы не встречались. Она говорит совсем тихо, почти шепотом.

Я рассказывала, а Ева слушала. Я говорила о том, как носила тебя, как сделала первое УЗИ, как ты впервые брыкнула ножкой. Описывала роды, проблемы с легкими и желудком, твой плач, твой сон, твои крошечные ладошки, твои успехи, твой взгляд. Она ни разу меня не перебила, а убедившись, что я закончила, посмотрела мне в глаза и спросила:

– Малышка выглядит замечательно. А вы? ВЫ. Как себя чувствуете вы?

Ева почти шепчет, но ее слова подобны раскатам грома.

Я ответила, что не знаю, что, несмотря на попытки педиатра успокоить меня, страх заглушает все остальные эмоции.

Ева села, закрутила волосы в пучок, скрепила его карандашом на японский манер и объявила – очень серьезно:

– Вы родили не одного ребенка, а двух.

Я собралась поинтересоваться, на какой наркоте сидит мой психолог, но она продолжила:

– Вы произвели на свет не только дочь. Представляю вам второго дитя по имени Страх. Этот прожорливый ребенок питается исключительно вашими слезами, тревогами и гневом в любой час, в любом месте и не может насытиться. Он страдает от синдрома недостатка внимания, не хочет и не может быть один, он днем и ночью рядом с вами. Возможно, вы сочтете его эгоцентриком, но это нормально, ведь он жаждет заполучить все ваше внимание, весь свет. Он регулярно дает о себе знать, причем в те моменты, когда вы меньше всего ожидаете встречи. Уживаться с ним нелегко, но приходится. Всем мамам и папам. Такова строжайше охраняемая тайна родительства.

Я закатила глаза, как делаю всегда, если мой собеседник прав и мне не хочется признавать его правоту. Ева облекла в слова то, что я чувствовала с нашей первой с тобой встречи. Внутри меня возникло нечто такое, с чем я никогда не расстанусь.

Я никогда не была боязливой. В молодости сначала делала, потом думала и мирилась с последствиями. Предвосхищать, предвидеть я не умела, и главное испытание в жизни только укрепило эту особенность натуры. Я узнала, что судьба неустанно влияет на нас через предчувствия. Бессмысленно отгораживаться, творить заклинания, организовывать все и вся, вооружаться против опасностей: если судьба решит нанести удар, она его непременно нанесет. По существу, по большому счету, глубинно я была непоколебима.

До твоего рождения я не замечала этих симптомов. В горле все время стоит комок, кишки завязались в тугий узел, я вздрагиваю, услышав шорох. Все защитные слои сорваны, я бреду,

обнаженная, по заснеженному лесу с мишенью на шее, а по моим следам идут охотники. Тако вот. Отныне я люблю кое-кого больше всех на свете, даже себя. Теперь я уязвима.

17. Элиза

В супермаркете полно народу.

Я составила список продуктов дома и теперь иду вдоль полок и методично заполняю тележку. Напитки, дары моря, хлеб, яйца, овощи, сладости и – главное – сыр, в Лондоне не так-то легко найти хороший.

Впервые мы устроили телеужин лет семь или восемь назад, когда загрипповали. Я едва держалась на ногах, дети температурили и полдня провели в постелях. Мне не хватило сил на приготовление ужина, и я собрала на журнальный столик всякую готовую еду, мы вставили в плеер диск с фильмом, устроились в подушках на диване и прекрасно провели вечер в компании друг друга и микробов. Потом это стало традицией, мы регулярно загружали подносы вкусоностями и садились смотреть кино, отдыхали после тяжелого дня и утешались нашей любовью, отгородившись от остального мира.

Беру журнал кроссвордов – Шарлин щелкает их как орешки и, приезжая погостить, разгадывает все, что попадает под руку. Потом кипа брошюр долго лежит на полу в туалете как свидетельство нашей встречи.

Плеер работает – я проверила, можно смело брать диски.

Дочь должна приземлиться в час дня. Мы не виделись около двух месяцев. Она прилетала в июле, провела в Бордо неделю отпуска, пообщалась с подругами и позагорала на ближайшем пляже. Семь дней мои взрослые дети были со мной, но с тех пор Тома переехал, так что подобный праздник повторится не скоро. Я тогда сделала сотни размытых фотографий, заслужив насмешки Шарлин. По ночам я слушала их дыхание, слушала, как они обсуждают охрану природы, спорят о политике, и тайно радовалась тому, что они так хорошо ладят. Да, мы не всегда можем договориться, мне не нравятся отдельные черты характера дочери и сына, некоторые поступки меня раздражают, но я никогда не позволяла себе упрекать или поучать их. Они выросли и становились такими, какими сами хотели стать.

В десять утра звонит Шарлин и сообщает, что встреча переносится. «Обещаю, мамочка, мы скоро увидимся!» Я стараюсь не кукситься: голос у моей девочки веселый, значит, с Гарри все разрулилось. Освобождаю тележку. На душе паршиво.

18. Лили

Сегодня утром, едва проснувшись, я поняла, что должна немедленно бежать к тебе, проигнорировала поднос с завтраком, оставила твоего папу в туалетной комнате, наплевав на душ, надела первое, что попало под руку, и полетела по коридору к боксу, как птица, которую охотник спугнул зарядом дроби. «Полетела» в данном случае – гипербола. Мне надо как можно чаще передвигаться на своих двоих, а не в кресле, иначе каждый шаг так и будет требовать тройного усилия. Ноги не желают подниматься, спина не разгибается, я попискиваю от боли и даже в игре «найди семь отличий» не нахожу ни одного.

Какой же он длинный, путь до тебя! Воображение рисует разные картины, не все с хорошим концом. Толкаю тяжелую дверь, протираю руки антисептиком, не глядя прохожу мимо боксов других грудничков, других родителей, других судеб, подвывает аппаратура, ей вторят дети, а вдруг тебе плохо, еще несколько метров, сердце рвется наружу, я задерживаю дыхание, возношу безмолвную молитву, стеклянная дверь... Спасибо, Господи!

Ты жива.

Флоранс занимается твоим туалетом. Я подхожу ближе, еще ближе. Ты завернута только в пеленку, и меня это, как обычно, трогает до слез. Есть что-то душераздирающее в этих крохотных бедрах, хрупких ручках, груди, которая поднимается и опускается, втягивая в себя жизнь. Ты ухватила за мой палец, я люблю твою мраморную кожу, пушком на плечиках, глазками без ресниц (пока!). Ты выглядишь ужасно уязвимой, и мне хочется сжать тебя в объятиях, силы найдутся, мое сердце бьется рядом с твоим, задавая правильный ритм.

– Мне нужно поменять ей маску, можете?

Флоранс объяснила, что размеры масок меняют, чтобы подобрать оптимальный, который не будет травмировать твой носик. Я согласилась, но оказалась не слишком полезной – была слишком занята, любясь тобой, мое сокровище.

Я впервые видела твое лицо – несколько секунд в день твоего появления на свет не в счет.

Ты широко открытыми глазами смотрела в пустоту, чуть приоткрыв ротик, и не шевелилась. Наверное, наслаждалась чувством свободы.

Нос у тебя оказался курносый, как у папы, губы тонкие – мои, в остальном ты показалась мне ни на кого не похожей. Особенной. Я погладила твою теплую щечку и мысленно «засняла» любимое личико, чтобы навсегда его запомнить, машина подала голос, и Флоранс надела на тебя новую маску.

Я все еще витала в облаках, и тут она подрезала мне крылья.

– Слышала, вы завтра выписываетесь...

Я знала, что когда-нибудь это случится. Вчера акушерка сообщила: «Шов выглядит отлично, вы не бледная, не анемичная, свободных родительских палат мало, а пациенток много... Не расстраивайтесь, пользуйтесь моментом – мало кому из молодых родителей удастся спокойно выспаться по ночам!»

Я с трудом поборола желание выбить ей пару зубов.

Не хочу выписываться. Ты и сейчас далеко от меня, этажом выше, а наш дом вообще на краю света.

Мы оставались с тобой до трех часов ночи, не имея сил расстаться, и ушли, только почувствовав, что засыпаем сидя.

У меня двоилось в глазах, твой папа то и дело спотыкался. Когда мы наконец в последний раз вошли в нашу комнату, я рухнула на свою неудобную кровать, подумав: «Без тебя я обойдусь...» – и, погружаясь в полудрему, услышала рыдания твоего отца.

Шарлин, Тома

10:33

Ку-ку, мои милые, это мама! Только что отправила вам посылку, открывайте сразу, как получите. Обнимаю. Мама

Шарлин 10:45

Привет, мамуль! Поклянись, что в коробке не животное.

Тома

Если там папино ухо, я бы предпочел правое.

11:50

Не знаю, кто вас воспитывал, но он провалил все дело. Целую. Мама

19. Элиза

Я рада, что выходные заканчиваются. Скука вот-вот возьмет надо мной верх.

Я разморозила холодильник, надраила сортир и ванную, пропылесосила лежавший у входной двери коврик, начала читать три романа, бросила их читать, посмотрела два отвратительных фильма по телевизору, вымыла Эдуара и передвинула мебель в своей комнате.

И вот, в девять вечера, в воскресенье, я лежу на диване, смотрю в потолок и думаю, чем заполнить жизнь.

Вот ведь ирония судьбы – последние двадцать три года я только и делала, что пыталась изыскать время для себя.

Не сосчитать случаев, когда я искала предлог, чтобы *не* играть в «Монополию» с Шарлин или в «1000 вех»²⁰ с Тома. Не счесть вечеров, когда я слушала их истории вполуха и мысленно торопила рассказчика. А уж как часто я раздражалась на очередной отчаянный зов «ма-ма!».

Сегодня вечером я бы многое отдала за то, чтобы «сторговать» особняк на авеню Фош.

Пусть мне вернут бессонные ночи, срыгивание, колики, вопли, размазанную по стене помаду, расцарапанный острым камешком капот машины, рвоту на шее, ночные кошмары, безумные забеги по коридору приемного отделения «Скорой помощи», утопленный в унитазе телефон, волосы, обрезанные собственноручно тупыми ножницами, ссоры между братом и сестрой, катание на лыжах с лестницы, оставление после уроков за «ужасное поведение», плохие отметки, гастроэнтериты, сигареты под матрасом, злобное хлопанье дверью, первое сердечное огорчение. Хочу снова обрести все эти тяжелые моменты, ставшие сладостными только утонув в недрах памяти.

Эдуар лижет мне руку. Я отпихиваю его, встаю, подсаживаюсь к включенному компьютеру, беру мышку. Перед самым переездом Тома создал мне аккаунт на «Фейсбуке», хотя я не видела в этом смысла, но теперь пора поинтересоваться, что происходит с моими детьми... без их ведома. Узнаю, что Шарлин встречалась с бабушкой и дедушкой Гарри в их коттедже, а сын выпил в пабе пинту пива. Пишу комментарий: «Рулит тот, кто не пьет».

Добавляю десяток подмигивающих смайликов, благословляя их изобретателя: он позволяет мне сойти за шутницу, ведь на самом деле я несносная мамаша.

В этот момент на странице Тома появляется комментарий: «Похоже, ты отлично приспособился к Парижу! Наслаждайся, здоровяк. Целую. Папа».

Я не знала, что мой бывший муж тоже обитает на «Фейсбуке», а теперь – нате вам, его коммент под моим, мы никогда не были ближе после развода, случившегося десять лет назад. Сглатываю ком в горле.

Нужно выйти из соцсети и закончить вечер, как было запланировано, но это сильнее меня. Кликаю по фотографии, появляется его профиль, и по экрану разливается чужое счастье. В Лондоне с Шарлин и Гарри, на Сейшелах с Матильдой, на лыжах с друзьями, на диване с прижавшимися к нему близнецами-шестилетками. Судорожно листаю фотографии, читаю комментарии его близких – когда-то они были и моими! – и собственная жизнь кажется все более незначительной.

Я переживаю то, чего всегда страшилась. Я – одна. Дети уехали, родители умерли, лучшая подруга Мюриэль живет в Лос-Анджелесе. Остальных легко пересчитать по пальцам: Лейла, молодая мать, заваленная делами по дому, Софи, разъезжающая с семьей по миру, и Фредерик, занятый делами своего предприятия. Чтобы не потеряться, мы дали друг другу обеща-

²⁰ «1000 вех» – игра, в которой используются специальные карточки на тему автомобильных гонок в первые годы их существования. Игра была изобретена в 1954 году Эдмоном Дюжарденом, издателем оборудования для автошкол, а иллюстрирована Джозефом Ле Калленнеком.

ние, которое всегда соблюдаем: раз в год, в один и тот же день, мы встречаемся и проводим время вместе. Когда-то я считала, что друзей у меня больше, но некоторым пришлось выбирать «лагерь» после нашего развода. И приняли они, увы, не мою сторону...

Я никогда не страдала от одиночества, дочь и сын занимали все мое время! Я не желала слушать тех, кто утверждал, что дети всего лишь одна сторона нашего существования, что нельзя жить только ради них, иначе окажешься в пустом гнезде. «Со мной такого не будет! – думала я. – Шарлин и Тома слишком близки со мной, чтобы улететь далеко. Они останутся в Бордо, мы будем часто видеться, даже если разведемся. Мы живем в большом городе, здесь много отличных учебных заведений, работу найти нетрудно». После развода я не поселилась с семьей в Биаррице, город показался мне напыщенным и самонадеянным.

Мой компьютер издает странный звук, что-то вроде «хлюп», смотрю на экран и холодею от ужаса. Я лайкнула одну из фотографий бывшего мужа. Пытаюсь поправить дело, но на этот раз вместо пальца вверх появляется сердечко. Потом разгневанный человечек. Удалить доказательство проявленного любопытства удастся только с третьей попытки. В следующую секунду получаю сообщение: он хочет добавить меня в друзья, захлопываю ноутбук, сердце стучит в висках.

Ну, я и кретинка! Бывший застукал меня, когда я «шарила по ящикам», еще решит, что его жизнь сильно меня интересует.

Протяжный вздох прерывает сеанс самобичевания. Эдуар не сводит с меня глаз, уверена, этот пес осуждает свою хозяйку. Я его понимаю – зрелище способно выдавить слезу даже из четвероногого. Я сейчас вижу жизнь в черно-белых цветах и, сидя на диване, жду, когда вернутся краски дня. Может, пора доставать фломастеры?

20. Лили

Я спала с твоей мягкой игрушкой, Флоранс посоветовала мне покрепче прижимать зверика к груди, чтобы он пропитался запахом моей кожи. Когда меня выпишут и нам с твоим папой придется вернуться домой, мы не сможем проводить рядом с тобой каждую минуту, но ты все равно будешь чувствовать мое присутствие.

Во время дежурного осмотра акушерки я молилась, чтобы нашлась причина остаться, но тело подвело – выздоровело. Женщина улыбнулась и поздравила меня, я поблагодарила – с кривой, вымученной улыбкой. Моя кровать неудобнее пола, душ, если хочешь воспользоваться горячей водой, приходится принимать в три ночи, еда ужасна, но я не хочу отсюда уходить!

Раньше мы жили в большой однокомнатной квартире, в центре города, на пятом этаже каменного дома, ходили в любимые магазинчики, в кинотеатр в конце улицы, до работы было десять минут ходу. Когда мы узнали, что скоро станем родителями, начали искать другое, более просторное жилье. Мы посмотрели много квартир – на окраине, слишком маленьких, слишком обветшалых, слишком дорогих, «извините-уже-сдано», но все эти неудачи и разочарования мгновенно позабылись при виде маленького дома под липой рядом с лесом. В тот день солнце золотыми струями вливалось в большие окна гостиной, превращая ее в волшебное пространство, и выбор был сделан. Мы перекрасили твою будущую комнату в белый цвет, поставили этажерки в форме облаков, повесили бра-звезду. Недоставало только твоей кроватки и пеленального стола – их купить мы не успели. Не хочу возвращаться «к нам» без тебя. Отныне «мы» – это ты, я и твой папа.

Когда акушерка ушла, он молча лег рядом и прижался ко мне. Мы общались без слов.

Вещи я собрала очень быстро, побросала в сумку свои и твои пижамки, подарки, бумаги. Неделию назад я составляла список, что надо взять с собой в роддом, радовалась, представляя, как выберу первый наряд, в котором ты будешь фотографироваться, но купить его не успела.

Твой папа ждал с сумками за дверью, я в последний раз обошла комнату, и он вдруг предложил пошарить в кровати, был очень настойчив, сказал: «Посмотри под подушкой!»

– Я тебя засуну под подушку, если не отстанешь.

Он засмеялся.

Я вздохнула, подчинилась – и обнаружила красную коробочку. Что было дальше, ясно без слов, но я, увидев колечко с тремя жемчужинами, в первый момент подумала: «Ну и бюджет у них! Дарят свежее испеченным мамочкам украшения при выписке!» – но потом увидела, что твой папа опустил на колено, и до меня дошло.

От удивления я разинула рот, онемела и стала похожа на карпа на удочке.

– Лили, я проходил мимо ювелирной лавки, увидел кольцо – это была промоакция, три жемчужины по цене одной, – купил его и подумал, что мы могли бы пожениться. Согласна?

Я открывала и закрывала рот, пучила глаза, он испугался, что у меня случится припадок, и поспешил уточнить:

– Я пошутил, милая! Хочу на тебе жениться, потому что ты женщина моей жизни, мать нашей дочери, ты сильная и...

Закончить он не успел. Я бросилась ему на шею и закричала:

– Согласна! Я согласна! Давай достойно отпразднуем твоё умение экономить.

Шарлин

18:45

Привет, мама!

Я получила посылку, зачем ты прислала мне овощи??? Целую

18:47

Ку-ку, дорогая, я купила слишком много всего и подумала, что ты с удовольствием съешь что-нибудь, кроме гамбургеров. Ты давно проверяла уровень холестерина в крови?

Целую. Мама

19:01

Мама, я больше не ребенок.

19:01

Ты всегда будешь моей малышкой. Прислать тебе рецепт супа? Целую.
Мама

21. Элиза

Я решила во что бы то ни стало воплотить в жизнь решение встать у руля, а не плыть по воле волн, для чего требовалось заняться чем-нибудь в одиночку. Не помню, когда в последний раз выходила куда-то без сына, дочери или Мюриэль, если она была в Бордо.

Нас трое в зале кинотеатра. Фильм я выбрала методом тыка, потому что забыла собственные предпочтения, они растворились во вкусах Шарлин и Тома. Программу теле- и кинопросмотров составляли они. Мне нравилось все, что любили мои дети. Кассирша терпеливо ждала моего решения, а я молчала, ошеломленная своим открытием. Я двадцать лет жила жизнью Шарлин и Тома. Что ты любишь, Элиза? Не припомню. Кто ты? Не знаю.

В конце концов я выбрала название самой красочной афиши. Купила ведро сладкого попкорна и успела съесть почти все к концу рекламы.

Фильм начинается.

Ночь. По лесной дороге едет машина. Звучит песня Кэти Перри, все подпевают. За рулем отец, мать держит в руке воображаемый микрофон. На заднем сиденье двое детей. Мотор глохнет, машина останавливается. Отец вылезает, насвистывая, открывает капот, пытается понять, в чем проблема, подсвечивая себе телефоном. Какой-то шум привлекает его внимание. Звук идет из леса, он напоминает смех. Мужчина светит в сторону деревьев, ничего не может разглядеть, возвращается к двигателю. Шум приближается. Отец больше не свистит. Под капотом все вроде бы нормально. Внезапно раздается истошный крик. Дети. Отец в два прыжка оказывается у двери, стекла забрызганы кровью, он дергает за ручку, появляется темная масса, остатки попкорна подпрыгивают, я отворачиваюсь, затыкаю уши и уползаю из зала спиной к экрану, как перепуганный краб.

Еду домой в тишине, паркуюсь у подъезда, не забираю из ящика ни почту, ни желуди. Сажусь в лифт, нажимаю на кнопку. Вхожу в квартиру, запираюсь на все замки. Эдуар прыгает мне на спину, и я вскрикиваю от испуга, а пес разваливается на полу пузом кверху. Я присаживаюсь на корточки, чтобы погладить беднягу, мы оба постепенно успокаиваемся, и тут кто-то стучит в дверь. Я крадусь на цыпочках, смотрю в глазок, вижу соседа и открываю.

– Здравствуй, мсье Лапен.

– Ваша собака воет дни напролет, заставьте его молчать.

Смотрю на Эдуара – он так и валяется на спине и пялится в пустоту.

– Уверены, что звуки издает мой пес? Странно, я никогда не слышала его голос.

– Я не обманщик. Мне нужны покой и тишина, а вместо этого вот уже десять дней приходится жить в звуковом аду.

Мой темпераментный сосед нуждается в покое, если в полночь не передвигает мебель. Уйдя на пенсию, мсье Лапен свел знакомство со сборщиками утиля, не гнушается он и помойками, откуда тащит разное барахло. Ведь «никогда не знаешь, какая безделица где пригодится!». Кухонная утварь, столики, стулья, игрушки, книги, картины... Все это он складывает на лестничной клетке в ожидании этого самого «пригодится».

– Я этим займусь, мсье Лапен. Поговорю с остальными соседями.

– Делайте что хотите, но решение найдите, иначе в следующий раз я вызову полицию.

Сосед явно не получил свою дозу морковных кружков.

Расследование заканчивается, едва начавшись. Сосед из квартиры напротив подтверждает, что в мое отсутствие Эдуар воображает себя оперной певицей.

Плюхаюсь на диван и пытаюсь проанализировать ситуацию. Когда Тома жил здесь, Эдуар часто оставался днем один, но никогда не лаял. То, что происходит сейчас, подтверждает диагноз ветеринара: у Эдуара депрессия. Он не выносит одиночества, соседям не нравится его «вокал». Я вижу одно-единственное решение: сын должен забрать Эдуара в Париж.

22. Лили

Я не плакала, прощаясь с тобой. Мы не расставались весь день, баюкали тебя, развлекали разговорами о детской, о твоих кузенах, о нашем коте, рассказывали, что тебя ждет, чтобы ты захотела вернуться домой. Мы повесили на белую доску наши фотографии, нарисовали уйму сердечек, повторяли слова любви, оттягивали уход, напитались тобой и, боюсь, перекормили тебя собой. Мы покинули бокс только после того, как певучая патронажная сестра Эстель пообещала вызвать нас при первом же признаке опасности.

Я положила рядом с тобой игрушку, пропитавшуюся моим запахом, попрощалась как обычно: «Спокойной ночи, радость моя, добрых тебе снов, увидимся завтра, люблю тебя больше всех на свете!» Мне не хотелось, чтобы ты уловила хоть малейшую перемену в моем голосе. Быть родителем – значит считать эмоции ребенка важнее собственных, улыбаться ему, когда хочется зареветь от отчаяния, внимательно выслушивать рассказ о том, как прошел день в школе, даже если глаза закрываются от усталости, играть в лошадки, мечтая все бросить, вселять уверенность, когда хочется поубивать всех вокруг, и утешать, даже если из горла рвется вопль отчаяния.

В лифте я машинально потянула палец к кнопке третьего этажа, твой папа улыбнулся и нажал на первый.

Я не плакала – и не хотела. Все было ужасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.